

А ЕСЛИ ЭТО ПРОЗА?

ЕВГЕНИЙ Евтушенко написал новую поэму «Мама и нейтронная бомба». Количество его поэм почти так же трудно поддается учету, как и стихотворений. Сегодня, пожалуй, это один из главных его жанров, исключая, может быть, прозу.

Новая поэма написана свободным стихом, по композиции открыта для любого дополнительного материала, нестрогий ее сюжет допускает любые сдвиги в пространстве и во времени, так что практически все ограничения, к которым обязывали принятые прежде условия жанра. В ней есть куски семейной хроники, портреты матери, отца, бабушек и дедушек. Отрывки из путевого дневника. Философствующая метафизика и политическая публицистика, изобличающая нейтронную бомбу, наркоманию, вещизм, диссидентство. Всей своей структурой, от материала до языка и ритмики, она приближена к прозе.

Евтушенко — один из убежденных поэтов-рассказчиков. Он с самых первых книг пытался пересказать наше время. Он собирал его сюжеты, приметы, события, ходячие идеи, имена, вещи, подслушанные разговоры, словечки и все это вставлял в стихи. Поэт из груды разрозненных и впрямую несвязанных друг с другом фактов строил свои модели современного мира. В жанре развернутого лирического стихотворения, баллады, поэмы, публицистического высказывания с заданной посылкой, с примерами и афористическими выводами.

Тут уж он был самостоятельным хозяином. Собранный материал располагал по своему усмотрению, выбирая освещенность, располагая по местам, организуя подобия и контрасты. Он отводил себе главную роль свидетеля, участника и истолкователя, подчеркивая свое лирическое и публицистическое «я». Все, что Евтушенко успевал воспринять, он словно отождествлял с собой.

Но материал накапливался все больше и больше. Натура впечатлительная, Евтушенко, кажется, сознательно пестует свою впечатлительность. А это увеличивает поле обзора, множит подробности. И Евту-

шенко словно разрывается между эпосом и лирикой. Но эпос требует концентрации повествовательных мотивов, лирика — концентрации чувств. Евтушенко и свою повествовательность, и свой лиризм разливает вширь.

Начиная с «Братской ГЭС», Евтушенко все чаще переходит к поэме-панораме, где не один, а множество повествовательных мотивов объединяются хозяйским своеволием «я». Но такого рода его панорама если и не составила органического целого, жила энергией лирического фрагмента, самозаконного в качестве отдельного стихотворения.

Поэма «Мама и нейтронная бомба» иного качества. В ней переходы от одного повествовательного мотива к другому не фиксированы и не фиксированы лирические отступления за счет общей прозаизации текста. Здесь все в одинаковой степени повествование и в такой же степени лирика, потому что авторское «я» по-прежнему сохраняет главенствующее положение. В этом смысле текст кажется более органичным. Повествование более свободным, разветвленным, насыщенным подробностями и оттенками. Но вот вопрос, поэма ли это, стихи ли, это вообще?

Расширяя жизненные связи, наша поэзия издавна оглядывалась на прозу, сохраняя все преимущества поэтической структуры, она стремилась овладеть всеми возможностями прозы в обращении с материалом. Твардовский, создавший образцы тончайшей лирики, считал, что в стихах обязательно должно что-то происходить. Смеляков рисовал портреты своих современников, выражая себя в отношениях к другим лицам и судьбам. Слуцкий прозаизировал

стих, стремясь захватить материал грубый, сугубо непозитический, чтобы дать ему поэтическое озвучение, а стиху — аскетическую закалку.

Последний шаг по пути прозаизации делает Евтушенко в своей новой поэме, открывенно превращая ее в уже почти ничем не прикрытую прозу. От признаков поэтического текста остается только некоторые количественные анафоры, повторы и параллелизмы, в построении фразы, что, впрочем, нередко свойственно и индивидуальным прозаическим стилям. В остальном же поэма впадает в прозу, не обладающую главными признаками стиха, не имеющую своего композиционного закона и, следовательно, произвольную в количественном и качественном составе. Удачные отрывки, которые, кажется, вот-вот приобретут твердость стихового огранки, сменяются в ней разреженной риторикой или переодеванием лирического героя в несвойственные ему одежды. И когда бабушка Ганна на ломаном белорусском языке излагает заветную идею автора о том, что вся Вселенная Евтушенками засажена: «...добрыя людзі — мне здаецца — яны ўсе Явтушэнкі», — евтушенковский эгоцентризм, не столь уж привлекательный, но терпимый в собственном лирическом тексте, переведенный на язык простой бабушки, оборачивается фальшью.

Убежден, что сближение русского стиха с прозой, житийской и литературной, было великим благом. Это давало ей новые жизненные импульсы. Не позволяло замкнуться в чисто эстетической сфере. И то, что русская поэзия пользуется таким же всеобщим вниманием, как и проза, — свидетельство ее жизненности и демократизма. Но здесь непременно одно условие: чтобы, выходя за свои собственные пределы, она возвращалась к самой себе, не переставала быть поэзией. В идеале, впадая в прозаизм, она должна приобрести новую поэтичность. Приобрести качества, которые укрепили бы ее в собственной сфере. Преодоление же поэзии уже не поэзия. Евтушенко в поэме «Мама и нейтронная бомба» преодолел и самое поэму.

Адольф УРБАН

ИЗВЕСТНО, что в творчестве Евгения Евтушенко публицистике отведено особое место. Сам поэт определил ее как «отношение к действительности», как «сиюминутность навсегда». А действительность в наше время все чаще, все настойчивее требует от писателя открытого высказывания, осмысления, вмешательства. Всем этим требованиям отвечает новая поэма Евг. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба». В поэме удивительным образом публицистичность соединилась с художественностью, личное с общественным, общественное с интимнейшими переживаниями. Причем интимное, личное здесь не мельчит, не дробит, а, напротив, увеличивает, укрупняет масштаб произведения. Поэт взял самую болезненную

своей поэзии утверждает новый тип поэмы, вбирающей в себя злободневность, живое дыхание современности вплоть до газетной публицистики. Все переплавляет в себе поэма, объединенная центральным образом автора.

Поэма Евтушенко — именно в этой традиции.

одно из самых запоминающихся поэтических открытий. Они — обвинение веку, в котором, может быть, впервые за все время своего существования человек боится заглянуть в завтрашний день, узнать свое будущее!

Память. Она пытается все запечатлеть, чтобы сохранить. Все запомнить, чтобы уберечь от забвения, страшный синоним которого в поэме — нейтронная бомба. Оттого так по-детски беззащитно звучит: «Мама, мне страшно не то, что не будет памяти обо мне, а то, что не будет памяти!»

Автор — это исповедь, боящаяся не успеть дойти до человечества. Это обнаженная поэтическая, а не закулисная открытость. Это личностное, давнее бесконечности жизни крылья, поднимающие над будничностью и прозаичностью.

Евтушенко не был бы Евтушенко, если бы ограничился в своей поэме только темой предупреждения об угрозе войны. Поэт считает своим гражданским и человеческим долгом показать, из чего вырастает эта угроза, показать, как люди порой незаметно для самих себя способствуют ее росту. Словами своей белорусской бабушки Ганны поэт предупреждает от расовой озлобленности, национального высокомерия, сеющих недоверие и разобщение, напоминая старую истину: все люди — братья. «И кали дзе-нібудзь — у Амерыцы ці у Афрыцы ёсць добрыя людзі — мне здаецца — яны ўсе Явтушэнкі... И ты не стамляйся шукать радню по белому свету...» Да, только так, отказавшись от насаждаемого некоторыми политиками убеждения: «человек человеку — волк», — можно спасти человеческое в людях, а значит, и землю. Третьего здесь не дано, ведь как сказано в поэме: «Поднявший атомный меч от него и погибнет!»

Все сквозные образы поэмы, вся ее образность организованы, объединены, одушевлены одним главным образом — самим Евгением Евтушенко. Поэт здесь не просто повествователь, а тот, кто в свободном стихе выразил свой собственный опыт, свое мироощущение. Иными словами, он и здесь — поэт. А это значит, что написал он произведение поэтическое — поэму!

Геннадий КРАСНИКОВ

А ЕСЛИ НЕТ?

самую безотлагательную тему сегодняшней действительности. Кажется, после хлебниковской «Войны в мышеловке», после «Войны и мира» Маяковского, уитменовского «Salut au monde» («Привет миру») антивоенная тема не поднималась до такой страстной, предупреждающей набатной высоты.

В поэме, написанной свободным стихом, на первый взгляд все неуправляемо, все рассыпается, распадается, не подчиняется никакой художественной логике. Сам поэт, описывая площадь «в маленьком итальянском городке Перуджа», констатирует эту анархию форм: «...площадь была похожа на эту поэму, или поэма стала похожей на площадь? Все вместе не складывалось, не рифмовалось, не находило общего ритма. Все разваливалось. Не было клея соединительного...»

Сравнение поэмы с площадью, с вынесенными на всеобщее обозрение человеческими судьбами тут не случайно. Восприятие, даже сотворение поэтического образа человека, человеческого мира, огромной человеческой истории из штрихов, черточек, из «содержимого жизни, рассыпанного по событиям, людям», — цель поэмы. Вот для чего это перенасыщение списками, перечнями, реестрами, «каталогами вещей»...

Допускаю, что со мной могут не согласиться, кто-нибудь может решить, что новая поэма Евг. Евтушенко — не поэзия. Но напомним, что поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» тоже были кое-кем восприняты как проза. Со времени некрасовских «Современников» в рус-

В какой-то момент в поэме появляются два подростка, расклеивающие на площади Перуджи плакаты, призывающие: «Остановите нейтронную бомбу и прочие бомбы!». Обыкновенное, прозаическое ведерко с клеем в руках мальчишек вдруг становится могучим поэтическим образом, символом!

Вот это был клей!

Как он склеил кусочки и площади этой,

и этой эпохи,

назвалось,

расколотой навсегда,

и меня самого,

расколотого эпохой.

Вот он, до времени скрытый образ, организующий всю поэму, оказавшуюся стройной, внутренней собранной, гармоничной. Разве не стали сегодня люди сплоченней, ближе, выведенные из состояния усыпляющей разобщенности стремлением к миру, ответственностью за сохранение жизни на земле? Поэт открыл, назвал, сделал предметом высокой поэзии дантовской силы, символ спасения, таившийся в самой неприметной обыденности.

В поэме несколько сквозных образов, несколько сквозных газет, память, автор. Каждый из этих образов по-своему тоже соединяет, «склеивает» раздробленный мир.

Мама — это непростая, нелегкая женская судьба, вставшая в себя и комсомольскую юность, и годы войны, и горькие разочарования, и погибший талант, и тревогу за сына, за планету...

Послезавтрашние газеты —